

После Гомера

1

Внутри Тезея дремлет Минотавр.
Он гнал его всю ночь до лабиринта.
Наполнит небо вздохами Эриний.
Им все одно — кто прав, а кто неправ.
В нутро иное обронив клубок,
Не мучайся причудливости линий.
Им все равно — герой ли, полубог.
И было утро. И последний взгляд..
Нас каждый бой не делает моложе.
Харону переправы не предложит.
День, дважды оглянувшийся назад.
Оставь на память музыку баллад —
Так времени изменчив обжиг.
И ты, Тезей, представь, что все был сон.
До срока остановимся в начале.
Печален оттого, чем был сражен,
Или сражен лишь тем, что был печален?

2

И поскольку время не чернит финальных сцен,
На дорогах, проверенных Одиссеем,
В междуречье мифов — времстрясение,
Старый век у Парки в горсти — обесцвеченный гобелен.
Да и ты был тогда не реальной, чем эти дни.
А эпоха героев — для хрупких плеч Пенелоп.
Просто долог век неоконченных книг.
Если то же самое знают не только оба.
И теперь за восемь тысяч далеких войн — корабли..
За предчувствие вечности чем, Телемак, расплатиться?
Серый сумрак Тавриды скрывает за звездами лица,
Там, где столько столетий все к морю приходит Улисс.

3

Над Херсонесом пар старинных вин
Сжигает жаркий воздух в желтой топке.

Метет песок дорических руин
День на воображаемых раскопках.
Так солнце поднималось столько раз,
Под хор племен, трясущих трон Олимпа.
Ты вспомнишь прошлого рожденья час
По золоту Эгейского залива,
Мне имя выудишь из раковин со дна.
Знакомое, как яблоко раздора,
И вспомнишь, чем окончилась война...
К чему, ответь, нам музы Терпсихоры.
Зачем, мой друг, так много городов,
Когда в итоге некуда вернуться?
Из века повторяется одно.
И так же невозможно обмануться.

4

От тяжести утра под утро болит голова.
Расстегнуты Книги Хождений великих героев.
Стою на ветру у ворот — ни жива ни мертва, —
Я словно отшельник под гиблыми стенами Трои.
Сбегаю по грифу к долинам тибетской реки.
В этнический полюс — и тени на плечи ложатся.
Сменив над пролетами встречный налет декорации.
Где песня рождается, струны врезая в колки.
Мне хочется думать, что бархатный занавес сорван,
И выскользнуть птицею из темноты натюрморта,
Напомнив себе, что корветы выходят из порта
В открытое море задолго до мысли о шторме.
Пишу но воде, забывая о всех островах,
Сорвав эпoletы тугих театральных регалий,
На карточных тронах минуя законы деталей,
Сменив флибустьерский на белый, невидимый флаг.

5

А если мир покинутый ковчег,
Тогда зачем пытаешься прочесть
Насечки букв действительного века,
Упавший в зеркала археотек
Заложником числа или молекул?

Переселенцы из античных лет,
Не удивляйтесь: прошлого здесь нет,
А только запах греческого пляжа,
Запомненный здесь кем-то наугад,
По ком влюбленный взгляд
Затянут неводом-пейзажем.

Письмена

Что знала Психея о царстве Микенском
Вдали от пророчеств и предсказаний,
Застывших в камне случайной фрески
Сухим каллиграфам ученой данью,
Когда в шерстяной темноте теснились

Тельцы и овцы, стора на вырост;
Ахейских юношей страсти и стрелы
Летели, лелея слух Персефоны?..
Но бабочка над Илионом летела,
Кем-то к нежности приговоренной,
Себе уготовив иное закланье...

С языка морей

1

Нам только моря высохшие сны
Затерянных в волнах — и не проститься
В бутылке забродивших писем Стикса
Ни красных капель и ни чьей вины.
На отмель гавани забытой литься
Молитвой плит ракушечных; Калипсо
Звать именем из черных списков сна
Всех дней, ночей и промежутков,
Прибитых к пирсу грузом междометий,
Когда смывает патину трагедий
За зноем занавешенным причалом,
Тобою обреченного вначале
Утра.

2

Прикроешь ставни крыльями фантазий.
Творящих треть шагов на парапете.
Молчанья плеть и звукоряда вертел
Внести в отрывок тонкостанной связи,
Когда летишь необратимым криком...
Улики слова — в память Эвридики,
Рыданье волн, дробящихся о камни,
За песни — одинокости отрава
На донце страсти; ни Орфей, ни Каин,
А только голос твой как бы случайный
С плеча минут опавший белой вязью...
И верность губ запястью
Тайны.

Потоп

В керамический Крым затяжные дожди голосят,
Как в нагревшийся колокол хор звонарей-цикад.
Испещренный сосуд, обозначенный Южный Крестом,
Как большой затонувший корабль под прогнувшимся дном

Бытия, что открыло прореху под тоннами грез
Капитанов, затерянных в белых полях тубероз.
Так и я, оказавшись на палубе в чреве ночей,
Судовых их журналов и долгой бессонницы чтец.

Чьей свободы в тебе? Я с тобой замечаю родство
По изгибам колец — тонких змей, обнимающих ствол,
И приветствую боль, — память лет из деревьев и трав,
Потускневший портрет бытия в скорлупе из оправ

Каждой прожитой эры под огненным флагом вождей;
Это эхо твое из одних бесконечных дождей,
Что разлилось потопом, наполнив глиняный остов;
Это мой не приезд, это твой несмолкающий зов.

* * *

Мария, Малена, именем трав и воды,
Одно расстоянье с иною скрестив судьбою,
Среди других, спасающих красотой,
Чем ближе к самой, тем сложнее прослыть святым.

Но здесь образа заменяют сердец зеркала,
Слова пеленая молчания чистой водою.
За веер ребра отданных, два крыла
Библейской осенью сложены надо мною.

* * *

Индийские боги золотили волосы Анны,
Когда она ходила одна вдоль океана,
Похожего на изумрудную рану,
В стране из мангровых гамм.
Пыльцою струилась прана,
Змеей вдоль гибкого стана,
Браслетами по ногам...

Если долго смотреть в сторону океана,
Настоящее в кожу вращает наколкой тайны,
Пряча взгляды в солнцезащитный сумрак...

Есть Волосы Вероники и желтые стебли Ганга.
Но я видела в мастерской художника портрет Анны,
И не могу забыть этот портрет никак.

* * *

На прошлом — пыль; о будущем ни слова.
Мир есть число, — напомнит мне философ.
Господь еще не выходил из дома,
И сборщики не собирали денег;
Усталость от полетов и падений
Поэты пьют с травой и валидолом.
Как я умею жить лишь в настоящем,

Так в нем мой долг любой — необоснован.
И что есть мир? Он как причал скользящий,
Причал еще не расплескал всех лодок...
Мне нужно к морю, там стоит ребенок,
Ребенок тот ко мне подходит тихо
И называет мне большую птицу —
Причал с водой перетекают в небо,
А небо вдруг перетекает в Слово...

